

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКИХ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ¹

© 2000 г. В. В. Гриценко

Канд. истор. наук, доцент кафедры психологии
филиала Саратовского гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, Балашов

Приводятся основные результаты эмпирического исследования эмоциональной сферы русских переселенцев из стран ближнего зарубежья в Волгоградскую и Саратовскую области. Дан сравнительный анализ состояний фрустрации, тревожности, агрессивности представителей мигрирующего и местного населения исследуемых областей.

Ключевые слова: культурный шок, социальная фрустрированность, тревога, тревожность, агрессивность.

В кросскультурной психологии хорошо известно положение о том, что мигранты в результате географического передвижения при контакте с иной культурой испытывают глубокое психологическое потрясение, так называемый “культурный шок”. Этот термин возник и традиционно применялся при изучении этнических миграций. Однако в последнее время его все чаще употребляют и при описании тех явлений, которые возникают в случае переселения представителей отдельных локальных культурных общностей того или иного народа, сформировавшихся в отрыве от основной этнической территории, в ее пределы. Исследователи, занимающиеся проблемами вынужденной миграции в России, фиксируют у русских переселенцев из бывших союзных республик при взаимодействии их с этнически родственным русским населением принимающих территорий проявление многих элементов культурного шока [7, 8, 13, 14]. Среди основных составляющих культурного шока, в частности, отмечают: чувство неполноценности от неспособности “совладать” с новой и непредсказуемой средой; тревога, возникающая при осознании культурных различий; напряжение в результате усилий, необходимых для достижения психологической адаптации; другие чувства и эмоции, чаще всего имеющие отрицательный оттенок и свидетельствующие о наличии у иммигрантов эмоционального дискомфорта.

Цель нашей статьи – дать более подробный и глубокий анализ эмоционально-аффективной сферы вынужденных мигрантов в связи с их переездом в Россию. Переживаемые переселенцами

эмоциональные состояния, их интенсивность, длительность, индивидуальные особенности эмоционального реагирования в условиях стрессовой ситуации могут служить важнейшими характеристиками адаптивных возможностей мигрантов, определять их поведенческую стратегию в новой социокультурной среде.

МЕТОДИКА

Данная статья основывается на эмпирических результатах полевых исследований в Волгоградской и Саратовской областях в 1997–1998 гг., полученных в ходе реализации индивидуального научно-исследовательского проекта “Чужие среди своих: проблемы адаптации русских вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России”². В исследовании приняли участие 120 русских вынужденных мигрантов из стран СНГ и Балтии, прибывшие на постоянное место жительства в Волгоградскую и Саратовскую области. В качестве контрольной группы выступили 120 местных жителей, уроженцев этих областей, выравненные с экспериментальной по основным социально-демографическим показателям: полу, возрасту, образованию, социально-профессиональному статусу, типу поселения и национальной принадлежности.

Изучение эмоционального состояния переселенцев осуществлялось методом интервью, а также с помощью ряда психодиагностических методик: шкалы “Уровень социальной фрустрированности”, Теста Люшера, “Интегративного теста тревожности”, Теста руки Вагнера.

Интервью включало вопросы, выясняющие общую оценку жизненной ситуации, поведенческие реакции на возможные конфликтные ситуации. Достоверность данных интервью определялась с помощью критерия согласия Пирсона (χ^2).

Психодиагностическая шкала “Уровень социальной фрустрированности” (УСФ) [4], предназначенная для субъективного личностного шкалирования, является инструментом упорядоченного и строго структурированного интервью с

¹ Работа осуществлялась при финансовой поддержке от “Программы мира и международного сотрудничества Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров”.

² Более подробное изложение результатов данного исследования см.: Гриценко В.В. “Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России”. М.: ИЭА РАН, 1999.

оценочной системой, которая позволяет получить необходимую информацию об испытуемом, его социальном и семейном статусе, особенностях interpersonalных и производственных конфликтов и т.д. В основе методики лежит дифференцированная оценка уровня удовлетворенности-неудовлетворенности по 5 шкалам: взаимоотношения с родными и близкими, с ближайшим социальным окружением, социальный статус, социально-экономическое положение, здоровье и работоспособность. С учетом целей нашего исследования мы внесли небольшое изменение в данную методику: добавили в опросник для мигрантов субшкалу "Удовлетворенность взаимоотношениями с местным населением", а для местных жителей – "Удовлетворенность взаимоотношениями с приезжими", а, чтобы не нарушать количество субшкал в опроснике (по 4 в каждой шкале), объединили две субшкалы "Удовлетворенность взаимоотношениями с родителями" и "Удовлетворенность взаимоотношениями с родственниками" в одну.

По каждой субшкале определяется показатель уровня фрустрированности. Он может варьировать от 0 до 4 баллов. Каждой градации шкалы присваивается соответствующий балл: полностью удовлетворен – 0, скорее удовлетворен – 1, затрудняюсь ответить – 2, скорее неудовлетворен – 3, полностью неудовлетворен – 4. При использовании методики для выявления уровня фрустрированности у группы респондентов обработка результатов осуществляется следующим образом: 1) получаем раздельно произведения от умножения числа респондентов, выбравших ту или иную градацию шкалы, на балл, присвоенный данной шкале; 2) подсчитываем сумму этих произведений; 3) делим ее на общее число респондентов, оценивающих данную шкалу. Чтобы определить итоговый средний индекс уровня социальной фрустрированности, необходимо сложить показатели фрустрированности по всем шкалам и разделить сумму на число шкал (20). Выводы об уровне социальной фрустрированности делаются с учетом величины балла. Чем больше балл, тем выше уровень социальной фрустрированности:

3.5–4.0 балла – очень высокий уровень социальной фрустрированности;

3.0–3.4 – повышенный уровень социальной фрустрированности;

2.5–2.9 – умеренный уровень фрустрированности;

2.0–2.4 – неопределенный уровень фрустрированности;

1.5–1.9 – пониженный уровень фрустрированности;

0.5–1.4 – очень низкий уровень фрустрированности;

0–0.4 – отсутствие (почти отсутствие) фрустрированности.

Достоверность результатов, полученных по методике УСФ, нами определялась с помощью критерия Фишера³.

Методика "Интегративный тест тревожности" (ИТТ), разработанная в лаборатории психологии Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева [1], позволяет выявить уровень выраженности тревоги как ситуативной (реактивной) переменной и тревожности как личностно-типологической переменной. Кроме общей оценки выраженности тревожности данный тест позволяет выделить 5 дополнительных субшкал: эмоционального дискомфорта, астенического и фобического компонентов тревоги, тревожной оценки перспектив и социальной защиты.

Методика представляет собой 15 утверждений, которые задаются от первого лица и звучат максимально кратко (например, "Я нахожусь в напряжении" или "Я быстро устаю"). Испытуемому предлагаются два варианта инструкции к шкалам ИТТ: первый ориентирует его на оценку себя сейчас, на текущий момент, сегодня, а второй – на оценку своего обыч-

ного состояния на протяжении относительно длительного времени, например, на протяжении последнего года. В методике используется четырехбалльная система градаций ответов, один из вариантов которой отражает отсутствие данного признака (оценивается как 0 баллов), два других связываются с признанием у себя различных промежуточных степеней представленности признака (оцениваются как 1 и 2 балла) и последний – как максимально мыслимая испытуемым степень его выраженности (3 балла). Таким образом, максимальное число "сырых" баллов, которое может набрать испытуемый, – 45. Для стандартизации результатов предусмотрен перевод "сырых" значений шкалы общей тревожности и вспомогательных шкал в значения, данные в шкалах.

Пользуясь в основном процедурами стандартизованного самоотчета (тесты-опросники, шкалирование), мы понимали, что не гарантированы от получения фальсифицированной информации, обусловленной известной тенденцией испытуемых давать о себе социально одобряемую информацию. Поэтому, чтобы уменьшить влияние фактора социальной желательности, а значит, уменьшить вероятность испытуемых разгадать направленность тестирования, мы включили в арсенал психодиагностических средств нашего исследования проективные методики. С этой целью мы использовали хорошо известные в психодиагностической практике проективный Тест руки Вагнера для предсказания открытого агрессивного поведения и Цветовой тест Люшера для общей оценки эмоционального самочувствия испытуемых. Преимущество проективного метода заключается в том, что он "ориентирован на изучение неосознаваемых (или не вполне осознанных) форм мотивации и в этом своем качестве является едва ли не единственным собственно психологическим методом проникновения в наиболее интимную область человеческой психики" [12, с. 8].

Проективные методы обладали для нас еще одним привлекательным свойством: материал проективных тестов, как правило, представлен в виде рисунков, картин, фигур, пятен и т.п. Поэтому в ситуации продолжительного интервьюирования (в течение 2–2.5 ч) мы имели возможность чередовать их с большими блоками вербального материала, тем самым внося определенное разнообразие в монотонность процесса тестирования и предупреждая утомляемость исследуемого.

Итак, в соответствии с инструкцией применения Теста руки Вагнера [9] мы последовательно предъявляли респонденту 9 стандартных изображений кисти руки и одну пустую карточку (при показе которой необходимо было представить кисть руки) и предлагали ответить на вопрос о том, какое, по его мнению, действие выполняет нарисованная (в 10-й карточке – воображаемая) рука (или сказать, что способен выполнять человек с такой рукой). Каждый ответ обследуемого оценивался в один балл и относился к одной из 11 категорий: агрессивность, деривативность, страх, эмоциональность, коммуникация, зависимость, демонстративность, ущербность, активная безличность, пассивная безличность и описание.

Исходя из нашей исследовательской задачи, мы использовали краткую форму обработки и интерпретации результатов теста. Она сводится к вычислению суммарного балла агрессивности, а также анализу процентного соотношения ответов по тем категориям теста, которые входят в формулу подсчета агрессивности. Суммарный балл агрессивности вычислялся путем вычитания суммы ответов, активно уменьшающих вероятность проявления агрессивных реакций (Эмоц. + Коммуник. + Страх + Завис.), из суммы "агрессивных" и "доминантных" ответов (Агр. + Дир.).

Достоверность различий средних значений определялась по *t*-критерию Стьюдента.

Суть методики Люшера сводится к тому, что обследуемый располагает в ряд в нисходящем порядке предпочтения (от цвета наиболее для него привлекательного до цвета наименее привлекательного) 8 цветов: синий, зеленый, крас-

³ Автор признателен доценту кафедры психологии БФ СГУ В.И. Щедрову за помощь в проведении математических вычислений, подтверждающих статистическую достоверность полученных результатов.

ный, желтый, фиолетовый, коричневый, черный и серый [6, 10].

Психологическая интерпретация полученного ряда субъективного предпочтения цвета опирается, во-первых, на предположение о том, что каждому цвету присуще определенное символическое значение. Во-вторых, считается, что ряд цветового предпочтения отражает как устойчивые личностные характеристики человека, так и особенности его переживания актуальной ситуации.

Для того чтобы выяснить, существуют ли различия в выборе цветов, а следовательно, и в эмоциональном состоянии между переселенцами и коренными жителями Волгоградской и Саратовской областей, мы вычислили степень популярности каждого цвета среди мигрантов и местных жителей и на основе этого получили характерный ранговый ряд цветов для той и другой группы.

Степень популярности каждого цвета в группе определяется следующим образом. Подсчитывается, как часто испытуемыми цвет избирается на каждое из восьми мест. Для ранжирования каждому месту придается весовой коэффициент по нисходящей от 8 (1-е место) до 1 (8-е место). Затем частота выборов каждого цвета умножается на соответствующий коэффициент и полученные восемь произведений по каждому цвету суммируются. Полученная сумма отражает степень популярности цвета в группе. Суммы располагаются по нисходящей, т.е. им придается порядковое номера, соответствующий рангу места в ряду. Так для каждой из обследованных групп получаем характерный ранговый ряд. Эти ранговые ряды говорят не о том, что наибольшее число обследуемых выбирает цвета в таком порядке (вполне возможен случай, когда ни один конкретный человек не выберет цвета в такой последовательности), а о том, что "в среднем" испытуемые выбирают именно так. Измерение взаимосвязи между ранговым рядом и принадлежностью к той или другой исследуемой группе осуществлялось при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена r_s . Достоверность различий положения каждого цвета в ранговых рядах определялась с помощью критерия согласия Пирсона (χ^2).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Данные интервью свидетельствуют, что для большинства вынужденных мигрантов и беженцев из стран СНГ переезд в Волгоградскую и Саратовскую области сопровождался, как правило, лишением родных, друзей, статуса, профессии, потерей собственности, изменением качества жизни, кризисом жизненных ценностей и личностной идентичности. В результате на новом месте жительства исследуемые нами мигранты оказались в ситуациях невозможности достижения результата, необходимого для удовлетворения важнейших жизненных потребностей личности (фрустрирующих ситуациях или в ситуациях неопределенности и отсутствия информации).

Для уточнения этих результатов и более детального изучения социальных факторов, определяющих реальную жизненную ситуацию обследуемых мигрантов, рассмотрим результаты, полученные по методике УСФ. Прежде всего отметим, что итоговый индекс социальной фрустрированности, рассчитанный по методике УСФ, для группы мигрантов равен 3.07 ± 0.35 (для сравнения в группе коренных жителей он составил 2.85 ± 0.29), что свидетельствует о повышенном

уровне социальной фрустрированности у переселенцев по сравнению с представителями местного населения. По отдельным шкалам полученные индексы социальной фрустрированности превосходят итоговый индекс. Так, довольно высокими они оказались в группе мигрантов по шкалам "Социальный статус" и "Здоровье и работоспособность": соответственно 3.46 ± 0.24 и 3.32 ± 0.26 (в группе коренных жителей – 2.81 ± 0.23 и 2.76 ± 0.16) и значительно высокими по шкале "Социально-экономическое положение": 3.69 ± 0.30 (у коренных жителей – 3.48 ± 0.35).

В массовых обследованиях также весьма показательным бывает процент лиц, выбравших тот или иной вариант ответа на конкретный пункт [2, с. 342]. В табл. 1 представлены данные о тех вынужденных переселенцах и коренных жителях, которые оценили степень своей неудовлетворенности социальными достижениями по всем 20 субшкалам как "скорее неудовлетворен" и "неудовлетворен полностью".

Как видно из данных табл. 1, наибольшую фрустрированность вызывают факторы, объединенные в группу "социально-экономическое положение", причем как в экспериментальной, так и контрольной группе испытуемых, что можно объяснить следующим образом. С одной стороны, разрушение хозяйственных связей, снижение производства, закрытие многих предприятий и учреждений, рост безработицы, инфляция и т.п. привели к ухудшению экономической ситуации в стране, в том числе и в исследуемых нами регионах, заметному объективному снижению материального уровня жизни многих слоев населения.

С другой стороны, в результате развала тоталитарного режима, расширения связей с внешним миром, либерализации сферы сознания и культурного производства актуализировалась вполне естественная потребность людей обустроить лучше собственную жизнь и жизнь своей семьи, существенно повысился уровень притязаний к материальному достатку. А это, в свою очередь, привело к субъективной неудовлетворенности имеющимся материальным положением. В пользу этого суждения говорит тот факт, что среди неудовлетворенных своим материальным положением были лица как с низким, так и со сравнительно высоким доходом. То есть это лишний раз подтверждает, что переживание фрустрации зависит в большей степени от осознания личностью недостигнутого, чем от реального положения вещей [2, с. 339].

Довольно высокие показатели неудовлетворенности, как абсолютные, так и относительные, получены у вынужденных мигрантов по сравнению с местными жителями по шкалам "Социальный статус" и "Здоровье и работоспособность". Наибольшую неудовлетворенность по шкале

Таблица 1. Неудовлетворенность социальными достижениями в основных аспектах жизнедеятельности (в %)

Шкалы	Мигранты	Коренные жители
I. Взаимоотношения с родными и близкими		
1. С женой (мужем)	37.5	19.2**
2. С родителями и родственниками	55.0	37.0**
3. С детьми	13.3	20.8***
4. С друзьями	9.2	13.3**
II. Взаимоотношения с ближайшим социальным окружением		
5. С противоположным полом	18.3	43.3***
6. С коллегами по работе	23.3	12.5*
7. С начальством	26.6	26.6
8. С приезжими, с местными жителями	— 41.7	20.8** —
III. Социальный статус		
Неудовлетворенность:		
9. Своим образованием	45.0	45.8
10. Уровнем профессиональной подготовки	54.2	21.7**
11. Сферой профессиональной деятельности	63.3	24.2**
12. Работой в целом	63.3	35.0**
IV. Социально-экономическое положение		
Неудовлетворенность:		
13. Материальным положением	81.7	75.0
14. Жилищно-бытовыми условиями	54.2	62.5
15. Проведением свободного времени	63.3	56.7
16. Своим положением в обществе	45.0	54.2
V. Здоровье и работоспособность		
Неудовлетворенность:		
17. Своим физическим состоянием	60.0	54.2
18. Своим психоэмоциональным состоянием	65.0	37.5**
19. Своей работоспособностью	35.8	26.7
20. Своим образом жизни	72.5	31.7**

Примечание. * Достоверность различий при $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

“Социальный статус” получили факторы “неудовлетворенность сферой профессиональной деятельности” и “неудовлетворенность работой в целом”. Эти факторы вызывают состояние фрустрации у 76 мигрантов (63.3%). Для сравнения отметим, что среди коренных жителей фрустрирующее влияние этих факторов отмечено лишь у 29 чел. (24.2%) и 42 чел. (35.0%). Данные различия еще раз подтверждают положение о том, что мигранты в сложившихся социально-экономических условиях в большей степени по сравнению с коренным населением поставлены перед необходимостью заниматься делом, обеспечивающим им существование, но не приносящим удовлетворения. В беседе с ними выяснялось, что почти каждый из неудовлетворенных своей работой и

сферой профессиональной деятельности сменил бы их, если бы представилась такая возможность.

Как среди переселенцев, так и среди местных жителей довольно высока доля лиц, неудовлетворенных своим образованием: 54 чел. (45.0%) и 55 чел. (45.8%). Очевидно, новая социально-экономическая ситуация в российском обществе поставила многих людей перед необходимостью сменить сферу профессиональной деятельности, а в связи с этим возникли несоответствие и неудовлетворенность наличными знаниями, уровнем профессиональной подготовки и т.п.

У переселенцев значительную фрустрированность вызывают факторы физического (72 чел., или 60%) и психоэмоционального состояний

(78 чел., или 65%). На нашу просьбу конкретизировать ответы “частично” или “полностью неудовлетворен” своим состоянием (физическим, психоэмоциональным) мигранты давали ответы следующего содержания: “Чувствую какую-то непреходящую усталость”, “Чувствую, что нет той физической активности и выносливости, которая была прежде”, “Стал как-то быстро уставать”, “Простудными болезнями стал часто болеть”, “Не могу по ночам работать, как работал раньше” и т.п. Также звучали жалобы на отсутствие возможности и времени восстановить силы и еще на то, что затрачиваемые усилия не соответствуют полученному результату. Довольно часто мигранты объясняли свое состояние неуверенностью в завтрашнем дне, неопределенностью своего будущего и своих детей.

То есть, с одной стороны, мигранты прилагают все имеющиеся у них физические, умственные и духовные усилия, чтобы обеспечить адекватную условиям окружающей действительности регуляцию поведения, деятельности. А поэтому подобное активное взаимодействие мигрантов с новой социальной средой, безусловно, требует больших “энергетических” затрат, что объективно сказывается на их физическом здоровье. А с другой стороны, не исключено субъективное отношение к своему физическому самочувствию, вызванное высоким уровнем притязаний к физическому здоровью, стремлением к успеху без учета необходимых для этого сил, возможностей и времени. Фрустрированность физическим и психоэмоциональным состоянием, судя по ответам респондентов, очень тесно связана с негативной эмоциональной оценкой успешности реализации своих жизненных перспектив и образа жизни.

В то же время, несмотря на статистически значимые различия (по сравнению с местным населением) практически по всем субшкалам, отражающим отношения с родными, близкими, с ближайшим социальным окружением, межличностные отношения в целом и по отдельным шкалам (за исключением “Взаимоотношения с родителями и родственниками” и “Взаимоотношения с местными жителями”) можно оценивать как преимущественно удовлетворительные (индексы социальной фрустрированности ни по одной из этих субшкал не превышают умеренного уровня фрустрированности). Названные межличностные аспекты представлялись переселенцам на фоне блокирования базовых потребностей (в пище, жилье, безопасности, уверенности в завтрашнем дне и др.) менее значимыми и часто производными от решения профессионально-статусных и материальных проблем.

Таким образом, мы обнаружили у беженцев и вынужденных переселенцев повышенный итоговый индекс социальной фрустрированности, а

также довольно высокие показатели неудовлетворенности по многим шкалам и субшкалам, превышающие аналогичные данные у коренных жителей. Неудовлетворенность положением личности в социально заданных иерархиях достижений накапливается и образует постоянный фон ее эмоционального напряжения. В подобного рода ситуациях, как правило, возникают отрицательные эмоциональные состояния, протекающие в форме эмоционального или информационного стресса. Традиционно в развитии стресса выделяют три этапа. Первый – реакция тревоги – в определенный момент может играть положительную роль, активизируя механизмы психологической защиты и приспособительного поведения на основе поиска эффективных стратегий преодоления (избегания) фрустрирующих факторов. В случае если испытываемое эмоциональное состояние (тревога) соотносится с тревожностью как свойством личности, этот “тандем” способен существенно усилить отрицательные эмоционально-аффективные реакции в ответ на фрустрацию или стресс, что может иметь определяющее значение для нарушений психической адаптации, возникновения нервно-психических и психосоматических расстройств [1, 2].

Именно потому, что тревога и тревожность являются важной характеристикой эмоционального проявления социально-стрессовой реакции, своеобразным эмоциональным эквивалентом нарушения психической адаптации, обратимся к данным ИТТ о степени выраженности личностной и реактивной тревожности у наших испытуемых.

Используя методику ИТТ, мы получили высокие уровни тревожности в обеих исследуемых выборках. Так, из 120 обследованных коренных жителей высокий уровень личностной тревожности обнаружен у 57 чел. (47.5%), реактивной – у 27 чел. (22.5%), а из 120 мигрантов – соответственно у 76 чел. (63.3%) и у 44 чел. (36.7%). Средний балл тревожности, полученный для группы коренных жителей, равен 19.28 ± 7.02 , для группы мигрантов – 20.7 ± 5.43 . По сравнению со средним баллом, полученным автором данной методики для нормативной группы из здоровых людей (11.91 ± 4.58), наши результаты свидетельствуют о более высоких среднегрупповых показателях [1, с. 5]. Анализ факторной структуры тревожности выявил, что феномен личностной и реактивной тревожности у мигрантов больше всего определяется уровнем тревожной оценки перспектив и эмоциональным дискомфортом. Это значит, что в картине эмоционального фона с пиком по шкале “Оценка перспектив” у переселенцев преобладает общая озабоченность будущим на фоне повышенной эмоциональной чувствительности, неудовлетворенности жизненной ситуацией, эмоциональной напряженности, возможно, элемен-

тов ажитации (сильного волнения, возбужденного состояния). У коренных жителей в феномене личностной и реактивной тревожности так же, как и у мигрантов, на первое место выдвигается фактор тревожной оценки перспектив, а на второе – “астенический компонент тревожности”, что свидетельствует о преобладании в структуре тревожности проекции страхов не на текущее положение дел, а на будущее – на фоне сниженной эмоциональности, усталости, вялости и пассивности, быстрой утомляемости и т.п.

Известно, что важным механизмом реалистического решения стрессовой, фрустрирующей ситуации и одновременно основой межличностной и межгрупповой толерантности является терпение [3]. Представленные на рисунке данные об оценке жизненной ситуации, полученные в процессе интервьюирования старожильского населения Волгоградской и Саратовской областей и переселенцев, вынужденно мигрирующих на их территорию, показывают, что у последних этот механизм несколько снижен. (Достоверность различий: $p \leq 0.05$ по критерию χ^2 .)

Больше четверти опрошенных переселенцев (32 чел., или 26.6%) считает, что “терпеть наше бедственное положение далее невозможно”, в то время как среди коренных жителей на пределе своих возможностей видит себя только каждый шестой (19 чел., или 15.8%).

С утверждением “жить трудно, но терпеть можно” согласны 60 (50.0%) беженцев и вынужденных переселенцев, но не безоговорочно. Из них третья часть (20 чел., или 16.7%) переселенцев, которые, в общем-то имея терпеливо-оптимистичный взгляд на жизнь, не соглашается с такой несколько пассивно-смирненной оценкой терпения. Для них характерны высказывания типа: “Терпеть можно, но нужно ли?”, “Терпеть можно, но ради чего, есть ли целесообразность в таком смиренном терпении?”, “Терпеть можно, но надо что-то делать, чтобы изменить наше бедственное положение”, “Терпеть можно, но не пора ли нам (властям, правительству) подумать и разобраться, кто виноват в таком нищенском существовании народа (страны?)”. Среди коренных жителей терпеливо-оптимистическую оценку жизненной ситуации (“жить трудно, но терпеть можно”) высказали 78 чел. (65%).

Невелика доля лиц, оценивающих жизнь весьма оптимистично (“все не так плохо, и можно жить”), как среди переселенцев (20 чел., или 16.7%), так и среди коренных жителей (15 чел., или 12.5%).

По результатам анализа общей оценки жизненной ситуации можно говорить о большем запасе терпения у коренных жителей исследуемых областей (по сравнению с беженцами и вынужденными мигрантами) как неагрессивном способе

Оценка жизненной ситуации.

Примечание. Не отражены те, кто затруднился ответить; в каждой исследуемой группе они составили по 6.7% (по 8 чел.).

решения стрессовой ситуации. Полученные данные свидетельствуют, вероятно, о различных возможностях и способах психологической адаптации в критических социальных ситуациях между представителями местного и мигрирующего населения.

Итак, у мигрантов получен более высокий уровень социальной фрустрированности, личностной и ситуативной тревожности и более низкий запас терпеливого отношения к сложившейся обстановке. Правомерны вопросы: какие же выходы может найти эмоциональное напряжение? Какова вероятность того, что эмоциональная разрядка пойдет в сферу межгрупповых отношений по пути агрессивных, враждебных действий к членам “другой” группы или по пути конструктивного преодоления проблемных ситуаций? Попробуем ответить на поставленные вопросы, проанализировав реакции представителей исследуемых нами групп на возможные конфликтные ситуации, которые вслед за этносоциологами и этнопсихологами Института этнологии и антропологии РАН мы использовали в своем исследовании для оценки общей социальной толерантности [5]. Ответы на “закрытый” вопрос “Если кто-то ведет себя агрессивно по отношению к вам, как вы обычно поступаете?” соответствовали следующим показателям: враждебная агрессия (прямая угроза жизни, например, применение оружия), подавленная или скрытая агрессия (“ухожу от конфликта, но не прощаю”) и “норма возмездия” или ответная агрессия (“отвечаю тем же”). В качестве “противовеса” предлагались неагрессивные ответы: стремление “сгладить конфликт” или “пойти на односторонние уступки”.

Полученные ответы на данный вопрос в группах постоянных жителей и перемещенных лиц отражены в табл. 2, в которой показано, что между ними существуют определенные различия ($p \leq 0.01$ по критерию χ^2).

Таблица 2. Поведенческие реакции вынужденных мигрантов и коренных жителей на возможные конфликтные ситуации

Варианты ответов	Мигранты		Коренные жители	
	кол-во чел.	%	кол-во чел.	%
“Иду на односторонние уступки”	2	1.7	6	5.0
“Стараюсь сгладить конфликт”	67	55.8	55	45.8
“Ухожу от конфликта, но не прощаю”	37	30.8	24	20.0
“Отвечаю тем же”	14	11.7	32	26.7
“Применяю оружие”	0	0	3	2.5

Таблица 3. Средние показатели отдельных категорий Теста руки в группах вынужденных переселенцев и коренных жителей

№ п/п	Категории	Мигранты	Коренные жители
1.	Агрессивность	2.22 ± 0.45	2.20 ± 0.37
2.	Директивность	5.19 ± 0.50	3.52 ± 0.24*
3.	Страх	2.78 ± 0.38	2.43 ± 0.34
4.	Эмоциональность (аффектация)	3.95 ± 0.36	3.01 ± 0.24*
5.	Коммуникация	4.02 ± 0.43	2.93 ± 0.41*
6.	Зависимость	3.22 ± 0.37	2.73 ± 0.25
Общее количество ответов		34.05 ± 1.65	30.09 ± 0.94
Суммарный балл агрессивности		-6.86 ± 0.57	-5.13 ± 0.89

Примечание. * Достоверность различий при $p < 0.05$.

Вопреки ожиданиям мы не получили данных о более высоком уровне агрессивности среди мигрантов по сравнению с местным населением. Так, агрессивные ответы (враждебная, ответная и подавленная агрессия) и неагрессивные (“сгладить конфликт”, “пойти на односторонние уступки”) дали соответственно 51 чел. (или 42.5%) и 69 чел. (57.5%) среди переселенцев и 59 чел. (49.2%) и 61 чел. (50.8%) – среди коренных жителей. То есть если у коренных жителей соотношение агрессивных и неагрессивных ответов приблизительно равно, то у переселенцев оно в большей степени свидетельствует в пользу неагрессивного поведения со стороны последних.

Среди агрессивных реакций у переселенцев более выраженным оказалось стремление подавить агрессию. Вероятно, это объясняется нежеланием людей в тех условиях, в которых они оказались, усугублять конфликт. В то же время

больше одной четверти опрошенных среди коренного населения предпочитает регулировать межличностные отношения на основе нормы возмездия. Именно за счет большего количества таких ответов – по сравнению с вынужденными мигрантами – увеличилось число их агрессивных ответов.

Большинство вынужденных мигрантов проявляют неагрессивные реакции и стремление уйти от конфликта. Подавляющее большинство в этом случае не стремится показать одностороннюю уступчивость в конфликтной ситуации, а намеренно ищет конструктивные способы регулирования конфликтов.

Проанализируем теперь степень агрессивности и противостоящие ей психологические тенденции, опираясь на результаты, полученные по Тесту руки Вагнера (см. табл. 3).

Полученный суммарный балл агрессивности, имеющий в обеих выборках отрицательный знак, свидетельствует о том, что проявление агрессии возможно только в особо значимых ситуациях. А достаточно высокие абсолютные величины суммарного балла отражают выраженную сдержанность в поведении и хороший контроль агрессивных тенденций. Иначе говоря, проявление открытой агрессии со стороны наших респондентов даже в особых случаях маловероятно. То есть количество реакций социальной кооперации и отрицания агрессии больше, чем число проявлений доминирования и агрессии.

Таким образом, в обеих исследуемых группах мы получили представление о “перевесе” установок на кооперацию над установками на конфронтацию, а отсюда косвенно о содержании и влиянии смыслообразующих мотивов и тем самым о преобладающем (неагрессивном) способе реагирования представителей данных групп.

Однако если группы существенно не различаются по суммарной агрессивности, то распределение ответов по отдельным категориям теста как в абсолютных значениях, так и в процентном соотношении выявило определенные отличия. Так, мигранты имеют более высокое число “агрессивных” ответов наряду с более высоким общим количеством ответов. По мнению Вагнера, общее число ответов является индикатором степени психической активности личности, а число ответов по отдельным категориям свидетельствует об “общем запасе” определенных тенденций. Удельный вес ответов по отдельным категориям указывает на значимость тех или иных тенденций в жизни человека [9]. Однако среди “агрессивных” ответов у мигрантов преобладают не собственно агрессивные, а относящиеся к категории *директивность*. Доля таких ответов в выборке вынужденных мигрантов в среднем составляет 70–75% от общей суммы “агрессивных” ответов, у корен-

Таблица 4. Степень популярности цветов у мигрантов и коренных жителей (по Люшеру)

Обследуемая группа	Ранг							
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й	8-й
Мигранты	Красный	Зеленый	Желтый	Серый	Фиолетовый	Коричневый	Черный	Синий
Коренные жители	Фиолетовый	Синий	Красный	Зеленый	Желтый	Серый	Коричневый	Черный

ных жителей – 60–65%. Эти данные, как нам кажется, отражают на подсознательном уровне наличие директивных тенденций в поведении вынужденных переселенцев (на них неоднократно указывали интервьюируемые коренные жители), которые довольно четко проявляются в реальном поведении исследуемых мигрантов: их стремление к активному влиянию на других людей, авторитаризму, указанию, управлению, лидерству, проповедованию и т.п.

На гораздо большую агрессивность, по мнению создателя теста, указывает не столько наличие сильно развитых агрессивных установок, сколько отсутствие или слабая выраженность установок на социальную кооперацию. Отметим, что у мигрантов наряду с большим абсолютным числом “агрессивных” ответов получено и большее абсолютное число “адаптивных”. Как показывают данные табл. 3, среди мигрантов обнаружено большее по сравнению с коренным населением число ответов по категории *эмоциональность*, что свидетельствует о повышенной у них способности к активной социальной жизни и отражает их желание к сотрудничеству с другими людьми и благожелательным отношениям. Также выборка мигрантов отличается от представителей местного населения более выраженным показателем категории *коммуникация*, что говорит о высокой коммуникативности, о стремлении к получению обратной связи и принятию. В ответах, принадлежащих к этой категории, подразумевается, что у переселенцев имеется необходимость в “желании разделить трудности”, “желании быть понятым и принятым” и т.п. Полученные результаты являются для нас диагностически очень важными, так как мы видим, какие именно тенденции противопоставляются конфронтации, что побуждает вынужденного мигранта к сотрудничеству: не страх перед ответной агрессией и не чувство собственной неполноценности и зависимости, а потребность в теплых дружественных отношениях с окружающими.

Таким образом, сравнительный анализ удельного веса каждой из категорий, противостоящих агрессии, показывает, что внешнее сходное практическое поведение между вынужденными переселенцами и коренными жителями может иметь принципиально различные внутренние детерминанты. Среди “адаптивных” возможностей переселенцев преобладает не пассивное приспособле-

ние и зависимость, а стремление к активному сотрудничеству, установлению дружеских связей с социальным окружением.

А теперь остановимся на анализе общего эмоционального самочувствия мигрантов, используя при этом результаты, полученные с помощью другой проективной методики – Цветового теста М. Люшера. Табл. 4 показывает ранговые ряды восьми цветов по степени популярности для обеих исследуемых групп.

Как можно видеть, последовательности расположения цветов у мигрантов и коренных жителей различаются. И хотя отсутствие корреляции (коэффициент ранговой корреляции по Спирмену равен 0.17) еще не дает оснований сделать вывод о том, насколько значимы эти различия, тем не менее разница в расположении отдельных цветов, особенно фиолетового и синего, позволяет заключить, что эти различия не случайны (для синего цвета $\chi^2 = 41.15$, $p < 0.001$; для фиолетового $\chi^2 = 15.06$, $p < 0.05$).

При качественном анализе выбранных цветов важно учитывать функциональную значимость позиции, занимаемой конкретным цветом. Так, по мнению Люшера, 2-е место в восьмицветовом ряду показывает, *что* является для обследуемого целью, тогда как 1-е место указывает на средства, в которых нуждается обследуемый и к которым он прибегает, чтобы достичь цели [6]. По мнению же Л.Н. Собчик, 1-я и 2-я позиции цветов в паре соответствуют преобладающим тенденциям потребностной сферы личности [10].

Эти потребности определяют устойчивые свойства индивидуально-личностного паттерна в тех случаях, если выбор цветового ряда относительно постоянен, и особенности актуального состояния – если он меняется. Мы обследовали наших респондентов методом Люшера трижды (два раза в начале опроса и еще один раз, завершая исследование, в самом его конце). Безусловно, что при трехкратном обследовании, причем разницей в 2–2.5 ч, трудно определить степень устойчивости выбора. Однако при внимательном изучении динамики цветового выбора, который наблюдался нами в ситуации обследования, а значит, понимания диапазона изменчивости личности под влиянием внешних обстоятельств, Тест Люшера дает возможность выявить глубинные индивидуально-личностные свойства, определяющие тип реакци-

рования на средовые воздействия, степень подвладности или сопротивления им с помощью свойственных данному индивиду способов защиты.

Считается, что расположение красного цветового эталона на первой позиции отражает стенический тип реагирования в наиболее выраженном виде и выявляет напряженность потребности в активности, направленной на достижение цели, на овладение всем тем, что доставляет радость и наслаждение. Этот цвет выбирают в качестве наиболее предпочитаемого личности с мужественным складом характера, самостоятельные, независимые, авторитарные, быстро принимающие решения. Для них характерны: высокая поисковая активность, любознательность, стремление "быть", реализоваться. Сочетание красный-зеленый дополняет характеристики красного цвета, выявляя смешанный вариант реагирования по ригидно-импульсивному типу. Стенические тенденции еще более усиливаются желтым цветом, занимающим 3-ю позицию и отражающим надежды на успех, планы, перспективы на дальнейшую работу. Комбинация красного, зеленого и желтого цветов составляет так называемую "рабочую", или "эрготропную" группу: их расположение в начале ряда выявляет у переселенцев целенаправленную активность и хорошую работоспособность. Активность, высокая мотивация достижения, потребность в обладании жизненными благами, стремление к доминированию, целенаправленность действий, высокая самооценка, потребность в самореализации, склонность к риску в сочетании с такими тенденциями, как скептицизм, потребность в отстаивании собственных установок, упорство, противодействие обстоятельствам, которое носит защитный характер, — таков портрет "среднего" мигранта, выбравшего данную комбинацию цветов в начале ряда. Такие характеристики эмоционального самочувствия, как уже указывалось выше, с одной стороны, могут составлять эмоциональный паттерн гармоничной личности стенического (активного) круга, а с другой — выступать только отражением ее актуального состояния, обусловленного конкретной ситуацией, т.е. способны отражать гиперкомпенсацию личности как защитную реакцию на трудности.

Проанализировав цветовые выборы и выявив тенденции, которые подвержены наибольшей вариативности, можно сказать, что в случае с мигрантами имеет место и то, и другое. Сопоставление цветового ряда с данными интервью и объективного наблюдения также подтверждает этот вывод: мигранты в большинстве своем — это люди деятельного склада, и в нынешнем положении, когда требуется мобилизация всех жизненных сил, их стенические черты еще более усилились.

"Средний" мигрант в своем ранговом цветовом ряду на последнее — 8-е — место поставил синий цвет, символизирующий спокойствие и удовлетворение. Это означает, что пока потребность в покое для большинства исследуемых нами мигрантов оказывается нереализованной и отодвигается на последнее место, так как ее удовлетворение в настоящий момент считается нецелесообразным. Перемещение синего цвета на последние позиции цветового ряда означает также, что потребность в теплых межличностных отношениях блокирована; наблюдается зависимость от объекта глубокой привязанности, "разрывание пут" или желание их разорвать [11]. Точнее не скажешь о поведавшей нам многими респондентами горечи эмоциональных потерь от разрыва с родным домом, улицей, многими родными и близкими с детства людьми, о тех усилиях, которые прилагаются, чтобы "порвать" с прошлой жизнью.

В подтверждение этому приведу четверостишие одной респондентки из Туркменистана:

"Мои друзья — мои полжизни,
Моя работа, дом, семья.
А без друзей я просто нищий,
Как будто вовсе нет меня".

Символизируемая этим цветом потребность является основным источником стресса, эмоциональной напряженности и тревоги у "среднего" мигранта. Интенсивность тревоги снижается, поскольку компенсируется находящимся на первой позиции основным — красным — цветом. А это есть стремление справиться с угнетенностью, овладеть собой, сохраняя активность.

ВЫВОДЫ

Попад в новую социокультурную, а значит, в определенной степени стрессогенную среду, исследуемые нами беженцы и вынужденные переселенцы оказались во многих фрустрирующих ситуациях, необходимых для удовлетворения важнейших жизненных потребностей. Как показывают результаты, наиболее фрустрированной для мигрантов является потребность в социальном статусе, в реализации себя через профессиональную деятельность. Именно в потребности к самоактуализации, в желании занять достойное место в обществе заложен мощный потенциал их адаптивных возможностей.

Судя по полученным результатам, мигранты по сравнению с местным населением обнаружили более высокий уровень тревоги, меньший запас терпеливого отношения к сложившейся обстановке и высокий удельный вес агрессивных тенденций в общей системе диспозиций. Однако более глубокий анализ природы этих состояний и тенденций показывает, что они (вынужденные переселенцы) не хотят слепо подчиняться обстоятельствам, стремятся понять объективные и

субъективные причины, приводящие к этим обстоятельствам. У них обнаружен определенный эмоциональный и личностный потенциал, благодаря которому они способны "переплавлять" негативные эмоциональные переживания в энергию, необходимую для поиска продуктивных и конструктивных путей решения фрустрирующих ситуаций.

Большинство исследуемых вынужденных мигрантов проявляют неагрессивные реакции и стремление уйти от конфликта. Подавляющее большинство в этом случае не стремится проявить одностороннюю уступчивость в конфликтной ситуации, а намеренно ищет конструктивные способы регулирования конфликтов. Обладая высокой поисковой активностью, мигранты склонны рассматривать любую ситуацию как проблемную, нестандартную, творческую. Тем самым мы получили представление о преобладании у представителей вынужденно мигрирующего населения неагрессивного способа реагирования, о "перевесе" установок на кооперацию над установками на конфронтацию. Стремление к активному сотрудничеству, установлению дружеских связей с социальным окружением повышает их адаптивный потенциал в новой социокультурной среде.

Попадая в новую социокультурную среду, мигранты из стран ближнего зарубежья включают так называемый "активизационный" механизм адаптации. Высокая активность является основой формирования стенического типа реагирования, связанного с повышением эмоциональной напряженности, со значительными как физиологическими, так и психологическими затратами, направленными на достижение значимых целей в новых для них условиях.

Все сказанное необходимо учитывать при разработке системы психокоррекционных мероприятий по отношению к вынужденно перемещенным лицам, реализующим соответствующую стратегию поведения, которая должна быть на-

правлена прежде всего на снижение чрезмерной эмоциональной напряженности, разрешение конфликтов, планирование своей деятельности и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бизюк А.П., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В. Интегративный тест тревожности: Методические рекомендации. СПб., 1996.
2. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М., 1996.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1994.
4. Вассерман Л.И. Психодиагностическая шкала для оценки уровня социальной фрустрированности // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1995. № 2. С. 73–79.
5. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.
6. Клар Г. Тест Люшера: Пер. с англ. Л.Д. Погиной. М., 1975.
7. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
8. Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. М., 1995.
9. Практикум по психодиагностике // Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М., 1990. С. 54–72.
10. Собчик Л.Н. Метод цветowych выборов. Модифицированный восьмицветовой тест Люшера: Методическое руководство. М., 1990.
11. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. М., 1997.
12. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. М.: Изд-во МГУ, 1980.
13. Степанов В.В., Суколов А.А. Русские ближнего зарубежья: проблемы адаптации в российской деревне // Российский этнограф. М., 1993. № 3. С. 3–172.
14. Филиппова Е.И. Роль культурных различий в процессе адаптации русских переселенцев // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.

EMOTIONAL STATE OF RUSSIAN FORCED MIGRANTS

V. V. Gritsenko

*Cand. sci. (history), docent of the chair of psychology,
branch of the N.G. Chernyshevsky Saratov State University, Balaschov*

The main results of the empiric research of emotional sphere of Russian migrants from the former USSR to Volgograd and Saratov regions are presented. The comparative analysis of states of frustration, anxiety and aggressiveness of migrants and natives is given.

Key words: cultural shock, social frustration, alarm, anxiety, aggressiveness.